

приятель Макса, "историк"²⁰³, написал двухтомную диссертацию о доисторическом исчезнувшем народе неизвестного имени, племени и времени на основании единственного "памятника" - какого-то костяного набалдашника с резной подписью на языке (предположительно) другого народа, позднейшего, но тоже вымершего доисторически. Был еще историк - Атлантиды, по подлинным летописям ее жрецов, сообщавшихся с автором в сонных видениях²⁰⁴. Был композитор-"монофонист", отрицавший в музыке гармонию, контрапункт, мелодическое последование, словом, всякое симфоническое начало - во имя, славу и торжество изобретенного им "разнообразно напрягаемого однозвучия". Прослушав минут двадцать тюканье этого чудака одним пальцем то по одному, то по другому клавишу пианино, то форте, то пиано, я позволил себе заметить маэстро, что его монофония сильно напоминает настройку рояля. Он окинул меня гордым взглядом и возразил с презрением:

- Может быть. Но настройщик монофоничен бессознательно, а я сознательно. Он ремесленник, а я артист, творец. Он слышит телесным ухом, а я ухом глубин. Поняли?

- Как же не понять, когда хорошо растолкуют!

А Макс сиял, потирая рука об руку, и восклицал возбужденно:

- Это очень интересно!

Все, решительно все было тогда ему "очень интересно", за исключением политики. Отвращение к ней, однако, не помешало ему напечатать в тогдашнем моем "Красном знамени" несколько очень эффектных стихотворений²⁰⁵. Но опять-таки, что называется, "не разбери Господи": одним они показались свержреволюционными, другим, напротив, контрреволюционными. Вроде пресловутых нынешних "Двенадцати" Блока²⁰⁶: в зависимости от того, под каким углом зрения и в каком настроении какой читатель к ним подходит

Андрей Белый ИЗ КНИГИ "НАЧАЛО ВЕКА"

... В те же дни, т. е. весной 1903 года, я встретился с Максимилианом Волошиным; Брюсов писал о нем несколько ранее: "Юноша из Крыма... Жил в Париже, в Латинском квартале... Интересно... рассказывает о Балеарах... Уезжает в Японию и Индию, чтобы освободиться от европеизма" ("Дневники". Февраль 1903 года), и: "Макс не поехал в Японию, едет... в Париж. Он умен и талантлив" ("Дневники". Осень 1903 года).

Эти короткие записи Брюсова - характеристика М. А. Волошина тех отдаленных годов: умный, талантливый юноша, меж Балеарами и между Индией ищет свободы: от европеизма, и пишет зигзаги вокруг той же оси - Парижа, насквозь "пропариженный" до... до... цилиндра, но... демократического: от квартала Латинского; демократическим этим цилиндром Париж

²⁰³ 162 "Историк" - по-видимому, А. Ле Плонжеон, в 1895 году опубликовавший в Лондоне перевод отрывка рукописи индейцев майя, где якобы повествуется о гибели от землетрясения "земли Му" в 9564 году до н. э. (см. в кн.: Жиров Н. Ф. Атлантида. М., 1964. С. 108). Плонжеон упомянут в статьях Волошина "Картинные выставки" (газета "Новая Русь". Спб., 1909. 5 февраля. № 35) и "Архаизм в русской живописи" (Аполлон. 1909. № 1).

²⁰⁴ 163 По-видимому, У. Скотт-Эллиот, автор "Истории Атлантиды", вышедшей в 1896 году в Лондоне, а в 1901-м - в Париже.

²⁰⁵ 164 В журнале "Красное знамя", выходившем в Париже под редакцией Амфитеатрова, были напечатаны стихотворения Волошина "Голова принцессы Ламбаль" и "Ангел мщеня" (1906. № 1).

²⁰⁶ 165 В упоминании о "пресловутых... "Двенадцати" Блока" ощущается отзвук тенденциозного, раздраженного восприятия этой поэмы писателем-эмигрантом (после 1920 г. А. Амфитеатров эмигрировал из Советской России за границу).

переполнен; Иванов²⁰⁷, по виду тогда мужичок, появлялся с цилиндром в руке, как Волошин.

Москва улыбалась цилиндру.

Здесь должен сказать: я зарисовываю не "мудреца" коктебельского, М. А. Волошина: с опытом жизни, своей сединой пропудренного, а Волошина - юношу: Индия плюс Балеары, деленные на два, равнялись... кварталу Латинскому в нем.

Этим кварталом, а не категорическим императивом, он щелкал, как свежим крахмалом, надетым на грудь; этот юноша, выросший вдруг перед нами, в три дня примелькался, читая, цитируя и дебатирова; даже казалось, что не было времени, когда Волошина - не было.

Так же внезапно исчез он.

Его явления, исчезновения, всегда внезапные, сопровождают в годах меня; нет - покажется странным, что был, что входил во все тонкости наших кружков, рассуждая, читая, миря, дебатирова, быстро осваиваясь с деликатнейшими ситуациями, создававшимися без него, находя из них выход, являясь советчиком и конфиденнтом; в Москве был москвич, парижанин - в Париже.

"Свой" многим!

Друг К. Д. Бальмонта, спец литературы, настоящей на галльском духе, ценитель Реми де Гурмона²⁰⁸, Клоделя, знакомый М. М. Ковалевского, свой "скорпионам" и свой радикалам, - обхаживал тех и других; если Брюсов, Бальмонт оскорбляли вкус, то Волошин умел стать на сторону их в очень умных, отточенных, неоскорбительных, вежливых формах; те были - колючие: он же сама борода, доброта, - умел мягко, с достоинством сглаживать противоречия; ловко парируя чуждые мнения, вежливо он противопоставлял им свое: проходил через строй чуждых мнений собою самим, не толкаясь; В. Брюсов и даже Бальмонт не имели достаточного европейского лоска, чтоб эквилибрировать мнениями, как в европейском парламенте.

М. А. Волошин в те годы: весь - лоск, закругленность парламентских форм, радикал, убежденнейший республиканец и сосланный в годы студенчества, он импонировал Гольцеву, М. Ковалевскому своим "протестом", доказанным: не мог учиться в России, стал слушателем "Вольного университета", основанного Ковалевским в Париже.

Всей статью своих появлений в Москве заявлял, что он - мост между демократической Францией, новым течением в искусстве, богемой квартала Латинского и - нашей левой общественностью; он подчеркивал это всем видом; поэты "проклятые" Франции на баррикадах сражались; тип европейского денди не то-де, что "отстало" о нем полагают у нас, сам Уайльд кончил жизнь социалистом-де; "Новая Бельгия" - Жорж Роденбах, Лемонье и Верхарн - друзья "социалистических" депутатов Дестре, Вандервельда: показывал это все Максимилиан Волошин компании "передовых европейцев": Баженовых²⁰⁹ Гольцевых и Ковалевских.

Везде выступая, он точно учил всем утонченным стилем своей полемики, полный готовности - выслушать, впитать, вобрать, без полемики переварить; и потом уже дать резолюцию, преподнести ее, точно на блюде, как повар, с приправой цитат - анархических и декадентских: не дерзко; где переострялись углы, он всем видом своим заявлял, что проездом, что - зритель он: весьма интересной литературной борьбы; что при всем уважении к Брюсову, с ним не согласен он в том-то и в том-то; хотя он согласен в том, в этом; такой

²⁰⁷ Поэт Вячеслав Иванов.

²⁰⁸ 166 Реми де Гурмон (1853-1915) - французский писатель, критик, сыгравший большую роль в истории символизма.

²⁰⁹ Баженов Николай Николаевич (1857-1923) - психиатр, директор Литературно-художественного кружка в Москве.

добродушный и искренний жест - примирял; дерзость скромная - не зашибала; его борода, жилет, вид парижанина, не то заправского кучера, русского "парня-рубачи", хотя облеченного в черный цилиндр, прижимаемый к сердцу под выпяченной бородой "не нашенской" стрижки, начитанность много выдавшего, много изъездившего,- отнимали охоту с ним лаяться; наоборот, - вызывали охоту послушать его; он умел так блестяще открыть свой багаж впечатлений, с отчетливо в нем упакованными мелочами: вот - Собор богоматери, вот - анекдот о Бальмонте, о бомбе, разорвавшейся в отеле Фуайо, о Жоресе, Реми де Гурмоне, прогуливаемомся ночью глухой по Парижу с закрытым лицом и тайком (разъедала волчанка лицо), о собрании у Ковалевского, о кабачке и о том, что Париж в освещении утреннем - "серая роза"; все - слушали: и модернист и... отец²¹⁰, парижанин душой, откликающийся сочувственно на слова о Латинском квартале.

Максимилиан Волошин умно разговаривал, умно выслушивал, жала глазами сверлящими, серыми, из-под пенсне, бородой кучерской передергивая и рукою, прижатой к груди и взвешенной в воздухе, точно ущипывая в воздухе ему нужную мелочь; и выступив, с тактом вставлял свое мнение.

Он всюду был вхож.

Я увидел его впервые в приложении к "Новому времени" еще до знакомства с ним; здесь поместили рисунок художницы Кругликовой, давшей изображение Бальмонта, читающего в Петербурге²¹¹; из первого ряда слушателей вытягивалась борода на читающего Бальмонта; такие в Париже носили, лопатую, длинная, с боков отхваченная; и курчавая шапка волос, вставших, вьющихся кольцами; выпят губы из-под носа в пенсне, с синусоидой шнура, взлетевшего в воздух.

Увидев зарисованного господина, подумал я:

"Кто он такой?"

"Парижанин?"

"Вот дядя-то!"

А в тот же вечер, попав на званый ужин к В. Брюсову, я увидел из передней ту же курчавую ярко-рыжевую бороду, под рыжеватой шапкой волос, кучерских, тот же выпят губы, то же пенсне, с синусоидой шнура, взлетевшего в воздух; то мой "парижанин" сидел в иллюстрации, вытянувшись, подавал, как на блюде, вперед свою бороду, руку прижавши к груди, как ущипывая двумя сжатыми пальцами тоненькую волосинку; и - щурился он на того же Бальмонта, не нарисованного, а живого, мерцая пенсне, затонувшими в щечных расплывах глазами; когда я вошел, нас представили; он подал мне руку, с приятным расплывом лица, - преширокого, розового, моложавого (он называл в эти годы себя "молодой душой"); умно меня выслушал; выслушавши, свое мнение высказал: с тактом.

Понравился мне. Его просили читать; он, читая, описывал, как он несется в вагоне - сквозь страны, года и рои воспоминаний и мнений; а стук колес - в уши бьет: "ти-та-та, ти-та-та"; было досадно: хорошее стихотворение он убивал поварскою подачей его, как на блюде, отчего сливались достоинства строчек с достоинством произношения, так что хихикали:

- "Э, да он это - прочел; он прочтет про "морковь ярко-красную кровь" так, что в обморок падаешь; падали же в обморок от прочитанного с пафосом меню ресторанного".

Если б Волошин в те годы умерил свое поварское искусство в подаче стихов, он во многом бы выиграл; а то иные умаляли значенье стихов его, пока печатные книги не выпрямили впечатленье, что интерпретатор Волошин настоящий поэт; он в поэзии модернистической скоро занял почетное место.

²¹⁰ 167 Отец Андрея Белого - профессор математики Николай Васильевич Бугаев (1837-1903).

²¹¹ 168 Рисунок Е. С. Кругликовой "К. Д. Бальмонт читает в Русской школе в Париже лекцию о Шелли" был напечатан в иллюстрированном приложении к газете "Новое время" (1903. 5 (18) февраля).

Меня поразившее "ти-та-та" перечитывалось, даже - передере... оно оттесняло другие его стихи; этому стихотворению все удивлялись, пленялись: и я и отец!

Появившийся вскоре с визитом ко мне, Максимилиан Волошин, округло расширившись расплывами щечными, эти стихи прочитал и отцу; он внимательно слушал отца, развивавшего ему свою "монадологию"; с очень значительным шепотом, очень внушительно стулом скрипя, заявил отцу, что и он развивает подобные же взгляды: в стихах; в подтверждение этого, свои стихи прочел он отцу, зарубившему воздух руками в такт ритму:

- "Так-с, так-с... - вот и я говорю: превосходно!"

М. А., передергивая бородою и брови сжимая, высказывал мягко округлые доводы в пользу научной поэзии; и помянул про Максима Максимовича Ковалевского, отцу когда-то близкого, так что, когда вышел он, с прижимаемым к сердцу цилиндром под выпяченной бородою "не нашенской" стрижки, отец охвачен был старинными воспоминаниями о Париже, о своих завтраках с "юным" Ришпенем²¹², о Пуанкаре, математике.

- "Это вот - да-с, понимаю: человек приятный, начитанный, много выдавший!"

Волошин был необходим эти годы Москве: без него, округлителя острых углов, я не знаю, чем кончилось бы заострение мнений: меж "нами" и нашими злопыхающими осмеятелями; в демонстрации от символизма он был - точно плакат с начертанием "ангела мира"; Валерий же Брюсов был скорее плакатом с начертанием "дьявола"; Брюсов - "углил"; Волошин - "круглил"; Брюсов действовал голосом, сухо гортанным, как клекот стервятника; "Макс" же Волошин, рыжавый и розовый, голосом влажным, как розовым маслом, мастил наши уши; несправедливо порою его умаляли настолько, насколько священник Григорий Петров²¹³ его преувеличивал, ставя над Брюсовым как поэта; уже впоследствии, когда Эллис стал "верным Личардою" Брюсова, то он все строил шаржи на Максимилиана Волошина:

- "Это ж - комми от поэзии!²¹⁴ Переезжает из города в город, показывает образцы всех новейших изделий и интервьюирует: "Правда ли, что у вас тут в Москве конец мира пришел?" Он потом, проезжая на фьякре в Париже, снимает цилиндр перед знакомым; и из фьякра бросает ему: "Слышали последнюю новость? В Москве - конец мира!" И скроется за поворотом".

Это - шарж, для которого Эллис не щадил отца с матерью. Сам же с Волошиным был он на "ты"; их сближали и годы гимназии, университет, из которого ушел Волошин, и семинарий у профессора Озерова брюсофильство Эллиса его делало бальмонтофобом и блокофобом; вышучивал он и Волошина; из всех острейших углов Эллис был - наиострейший; а необходима была роль Волошина как умирителя, не вовлеченного в дразги момента. Волошин понравился мне

Борис Садовской (Садовский) "ВЕСЫ". ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКА

... Лет триста назад при дворах европейских государей водились искусственные карлики.

Ребенка заделывали в фарфоровый бочонок с отверстием внизу - и так держали

²¹² Ришпен Жан (1849-1926) - французский писатель.

²¹³ 169 Григорий Спиридонович Петров (1868-1925) - священник-расстрига, публицист, член Государственной думы.

²¹⁴ 170 "Коммивояжером" назвала Волошина З. Гиппиус в отклике на первую заметную публикацию стихов Волошина. См.: А. Крайний (псевдоним З. Гиппиус). Нужны ли стихи? - журнал "Новый путь". Спб., 1903. № 9. С. 250-251.